

УДК 130.2: 21

В.Ю. Даренский

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА КАК ИСПЫТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛОГЕ С ПРИРОДОЙ

В статье рассмотрен феномен современной техники как диалог человека и природы, раскрывающий сущностные проекты человеческого бытия. Обосновывается понимание техники как духовного испытания человека. Рассмотрена специфика техногенного социума, проблема деструктивности этого типа социума и пути ее преодоления.

Феномен техники приобрел статус одного из ключевых предметов философской рефлексии в силу того важнейшего значения, которое он имеет в формировании жизненного мира человека современной цивилизации. Главной проблемой, требующей философского осмысления, является техногенное влияние на социум, формирование нового типа общества, которое может быть названо техногенным. Суть этой проблемы хорошо сформулирована Е.А. Донченко: «Сейчас проблема отрицательного воздействия НТП на внутренний мир человека приобрела новые грани... вследствие такой глобальной тенденции НТП, как тенденция опосредования. Имеется в виду... преломление человеческого общения, самовыражения, самовыявления и т.д. через средства массовой информации, технизации, через средства, рожденные НТП... и чем больше ролевое поведение отвечает требованиям НТП, тем меньше остается возможностей у человека для развития своего внутреннего мира» [1, с. 149].

Эта тенденция опосредования приводит к односторонности развития, стандартизованности восприятия и реагирования, к упрощению духовного мира человека. Технические средства как опосредующие факторы в принципе нацеливают на готовые формы активности, на деятельность, приходящую извне, в то время как человек для обеспечения собственного развития должен сам созидать формы деятельности и её содержание. Опосредующие факторы уводят человека от трудностей выбора, от многозначности и богатства самодеятельности. Все это непосредственно влияет на формирование новых форм социальности, приобретающих деструктивное воздействие на человека, и, соответственно, требует поиска путей преодоления этой деструктивности.

Становление философии техники как особой сферы философской рефлексии впервые произошло в книге Эрнста Каппа «Основы философии техники»; позднее «классиками» в исследованиях философии техники стали А. Эспинас, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Л. Мэмфорд, Ф. Рапп [2]. Среди новейших публикаций стоит отметить весьма яркую статью харьковского философа А.Н. Покровского «Техногенный универсум отчуждения», в которой дана глубокая феноменологическая характеристика того мира, в который погружает человека современная техника [3].

Важное направление философской рефлексии феномена современной техники, которое остается мало разработанным, но которое несет в себе большой эвристический потенциал, является понимание ее как особого способа экзистенциального самоопределения сущности человеческого бытия. Особым ракурсом этой темы является взгляд на технику в рамках понятия «диалог с природой», в свое время предложенного И. Пригожиным. В этом ракурсе современная техника предстает как форма такого диалога. Целью настоящей статьи является исследование феномена современной техники как такой формы диалога человека с природой, которая раскрывает исходные смыслополагания человека. Эта цель включает в себя две задачи: 1) анализ «жизненного мира» и социальности, создаваемых современной техникой; 2) анализ путей духовного самоопределения человека в диалоге с природой.

«Прогрессистские» подходы в философии техники рассматривают радикальную технизацию человеческого бытия (несмотря на эмпирически очевидные издержки) в качестве позитивной трансформации, формирующей новый тип человека. Основной презумпцией такого подхода, очевидно, является рассмотрение человека в первую очередь как биосоциального существа с фундаментальной гедонистической интенцией, а все остальные онтологические уровни его сущности либо считаются второстепенными, либо вообще отрицается само их наличие. В рамках такого типа сознания с неизбежностью формируется особый вид «идолопоклонства», который может быть назван *технолатрией*. Выходя за рамки этой презумпции, человеческое сознание вырабатывает критическое отношение к феномену техники. Основные аргументы такого отношения могут быть типологизированы. Так, например, Хельмар Крупп отмечает «В общем и целом критики техники утверждают, что техника: 1) означает неповиновение богоугодному порядку; 2) совершает насилие над природой; 3) отчуждает человека от его труда и от него самого; 4) ведет к бездушной рациональности; 5) отрывает людей от их корней и превращает их в безликую массу» [4, с. 440]. Тезисы о том, что техника «совершает насилие над природой», «ведет к бездушной рациональности» и т.д., эмпирически достаточно очевидны, и им посвящена обширная литература. Феномен, который исследуется в нашей статье, сформулирован Л. Мэмфордом так: рядом с современной техникой человек в конце концов «оказывается лишенным функций безработным существом, вынужденным принимать лишь то, что Мегамашина ему предлагает: автомат в рамках большой системы автоматизации, осужденный на принудительное потребление» [5, с. 236]. Но утверждение о том, что техника несет в себе «неповиновение богоугодному порядку» уже не столь очевидно и поэтому требует специальной рефлексии.

Для начала рассмотрим примеры формулировок этого аргумента. Так, О. Шпенглер в завершающем параграфе второго тома «Заката Европы» пишет, что люди «фаустовской цивилизации», стремясь насильственно подчинить своей воле мироздание, «создали таким образом идею машины как маленького космоса, подчиняющегося только воле людей. Но тем самым они перешли ту неощутимую границу, за которой для многих верующих уже начинается грех», причем, добавим, грех по сути своей люцеферический, состоящий в попытке стать на место Бога хотя бы в рамках маленького, искусственно созданного мира. И поэтому, продолжает О. Шпенглер, для аутентичного религиозного сознания «машина была признана порождение дьявола. Именно так ее всегда воспринимала подлинная вера» [6, с. 664–665]. Тем самым принципиально греховным здесь оказывается именно *помысл* о технике, сама ее *идея*, являющаяся по существу *желанием самоутверждения полностью автономной человеческой воли*. Этот грех совершается в самой глубине человеческой экзистенции, поэтому его очень трудно осознать в рамках рациональной рефлексии, наблюдающей только внешний результат технического прогресса. Последняя может поэтому предложить как минимум два контраргумента: 1) факт того, что техника, подобно медицине, основана на интенции человеколюбия и стремлении облегчить земную человеческую участь, что само по себе нисколько не противоречит стремлению к спасению души; 2) создание подчиненных человеку технических орудий само по себе не означает уклонения человека от воли Божией или отрицания ее всеобщности.

Христианское понимание греховности самой идеи относится только к машинной технике Нового и Новейшего времени, стремящейся к господству над природой и самим человеком, но не имеет никакого отношения к простым техническим орудиям, без которых человек вообще не мог бы существовать на сверхбиологическом уровне и само наличие которых является априорным условием его существования как разумного существа. Как показывает множество случаев, известных науке, человек как биологический организм может адаптироваться к жизни в животном стаде, не пользуясь никакими

орудиями, но в этом случае у него будет отсутствовать сознание и речь – атрибуты разумности. Тем самым в рамках нашей проблемы речь идет только об особом феномене современной машинной техники, но не о технике вообще, поскольку само ее наличие имманентно человеческому бытию.

Рассматриваемый аргумент отнюдь не ограничивается самыми глубокими и труднодостижимыми уровнями человеческой экзистенции, но может разворачиваться и на более понятном уровне эмпирического бытия современной техники. Одну из принципиальных формулировок такого рода предложил И.А. Ильин в работе «Основы христианской культуры», где он пишет: «Техника влечет за собою человека: техника, которая разрабатывает вопрос о жизненных средствах и совсем не интересуется высшею целью и смыслом жизни; техника, которая вечно «открывает» и «совершенствует», но сама работает в полнейшей духовной беспринципности, нисколько не помышляя ни о едином Совершенстве, ни о действительном Откровении» [7, с. 294–295]. Техника «влечет» человека в том смысле, что формирует такие мотивы и интенции его деятельности, которые изначально не имеют ничего общего с «высшею целью и смыслом жизни». Более того, техника навязывает человеку особые стереотипы поведения, чувствования и мышления, которые он затем переносит и во все остальные сферы жизни, в том числе и в межличностные отношения. Последний аспект, связанный с принудительным формированием экзистенции человека современной техникой, рассматривает известный современный богослов архимандрит Рафаил (Карелин). Сопоставляя владычествование над живыми тварями и владение современными машинами, он так описывает их экзистенциальные последствия для людей: «Животные-рабы были существами, которые понимали и чаще всего любили своих хозяев. Машина-раб остается мертвой и холодной конструкцией... образовался новый вид контакта между ней и человеком. Машина не может любить, и ее нельзя любить... Человек, выросший в технологическом обществе, как гомункул в колбе, хочет повелевать, а любит только себя. Машина – это инструмент; инструментом пользуются, о нем заботятся, пока он нужен, а затем отправляют на мусорную свалку... Это отношение к инструменту создает определенный тип человека – прагматика и утилитариста, который думает о том, как использовать другого человека для достижения своих целей без всякого чувства благодарности... Этот инструментализм проник во все сферы жизни, сделав из друзей всего лишь сообщников, а из супругов – компаньонов, которые нередко стремятся поработить друг друга в повседневном обиходе и превращаются во врагов. В работе с машиной необходимы числовые показатели, – в общении с людьми таким показателем стал расчет. Люди стали разобщены и чужды друг другу» [8, с. 331–332]. Однако эта внутренняя чуждость людей друг другу культивируется современной техникой уже в качестве обратного действия: после того, как техника уже была создана в силу особой потребности человека.

Изначально техника возникает как средство овладения природой (в том числе и собственной человеческой природой – для более полного использования ее производительных и творческих способностей с помощью внешних орудий). Как отмечает Л. Мэмфорд, «примитивная техника была жизнеориентирована, а не узко трудоориентирована, и еще менее ориентирована на производство или на власть» [5, с. 232]. Но затем, в Новое время, с ней происходит та особая «мутация», о которой говорит О. Шпенглер. Она и создает современную технику, в которой уже, говоря языком М. Хайдеггера, «правит иная сущность».

В эмпирическом плане современная техника отличается от домашней тем, что использует искусственные источники энергии и знания, которые не могли быть получены с помощью простого наблюдения над природой, но только с помощью особых интеллектуальных технологий – эксперимента и теоретического знания. Однако последние уже несут в себе ту неявную «сущность», которая будет править в современной технике.

И эксперимент, и теоретическое знание основаны на фундаментальном логическом парадоксе – достижении естественного посредством искусственного. Эксперимент – это создание искусственных условий протекания процессов, наблюдая которые, мы познаем их собственные, естественные закономерности, которые, однако, никак не могут быть просто наблюдаемы в естественных условиях. Соответственно, теория – это совокупность искусственных интеллектуальных конструктов, не существующих ни в каком «естественном» виде, с помощью которых, однако, мы фиксируем, понимаем и можем использовать собственные, естественные законы природы, не данные ни в каком естественном наблюдении. Та же самая парадоксальная сущность начинает «править» в современной технике: она стремится удовлетворить естественное в человеке с помощью искусственного так, как само естественное себя удовлетворить не может. Что же это такое?

Поскольку, как писал о. Павел Флоренский, «технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию», в качестве «символа внутреннего движения жизни» [10, с. 421], то новый вид техники является выражением экзистенции нового типа человека и сам становится главным фактором его формирования. Что же «нового» в этом человеке? Человек стал создавать современный тип техники именно вследствие особого внутреннего *экзистенциального события*, а именно идолопоклонства перед своим тленным Эго, стремящемся к максимальному комфорту земного бытия, что предполагает подчинение этой цели всей наличной действительности.

Пытаясь подчинить себе стихии мира сего с помощью современной техники, и, казалось бы, достигая в этом все больших и больших успехов, человек на самом деле оказывается во все более глубоком рабстве у своей собственной деструктивности. Дело в том, что в отличие от простых технических орудий современная техника, использующая искусственную энергию для достижения искусственно созданных целей, совершенно избыточна по отношению к фундаментальным целям и смыслам человеческого бытия. Более того, отнимая силы и время на искусственное, она уже не оставляет их на главное. Этот вид техники изначально основан на глубоко иррациональном и противоестественном во всех отношениях стремлении к избыточному потреблению ресурсов и избыточному комфорту, привычка к которым с неизбежностью приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Формируемый современной техникой человек радикально деперсонализируется: как пишет А.Н. Покровский, он «не должен точно знать, чего же он желает; ему достаточно лишь интуитивно ощутить некоторый дискомфорт в связи с нехваткой чего-то, как весь техногенный аппарат обеспечения существования закружится перед ним во всем богатстве контролируемого выбора, призванный не просто удовлетворить любое допустимое желание во всех его нюансах, но сгенерировать это самое желание, оправдать... его правомерность и «нормальность»; тем самым, весь образ жизни человека и его мотивы в конечном счете неизбежно сводятся «к примитивным формам рефлекторного реагирования на различные раздражители, результаты которого известны заранее... Такое освобождение на уровне первичных позывов нездоровой человеческой психики сопровождается установлением опосредованного условиями существования, но от этого еще более жесткого контроля над сознанием человека. И репрессивность этого контроля заключена в самой системе потребления, самом дискурсе техногенного универсума... Нарушение личностной идентификации... психологическая примитивность являются, таким образом, не просто следствиями, но ключевыми условиями техногенного порядка существования, которые необходимо должны воссоздаваться в массовых масштабах как единственное условие воссоздания техногенного общества» [3, с. 89–90].

Пределную онтологию современной техники, захватывающую самую глубину человеческого бытия – его открытость Истине, феноменологически описывает концепция техники М. Хайдеггера, суть которой может быть обобщена в следующих форму-

лировках: «Техника – вид раскрытия непотаенности... область выведения из потаенности, осуществления истины... Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии... Человек... становится просто поставителем этой наличности – он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности... и поэтому уже никогда не сможет встретить среди предметов своего поставления просто самого себя... Угроза человеку идет даже не от возможного губительного воздействия машин и технических аппаратов... Господство поставы грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины... Существо техники грозит раскрытию потаенного» [12, с. 225, 233, 234, 237]. Тем самым этот особый способ раскрытия непотаенности (истины) сущего, реализуемый современной техникой как «постав» (*gestell*), опасен тем, что приучает людей воспринимать в качестве реального и действительного только то, что поставлено-в-наличие в смысле полной подчиненности и производности от человеческой прихоти; такая реальность, по М. Хайдеггеру, перестает быть даже объектом (ибо объект по определению есть нечто нам самостоятельно *противо*-стоящее). Не говоря уже об атрофии способности воспринимать нечто в качестве субъекта, а тем более абсолютного Субъекта. Естественно, такая атрофия не наступает сразу и никогда не бывает абсолютной, тем не менее, именно она является тем сущностным изменением в способе восприятия реальности как таковой, который формирует современная техника. По М. Хайдеггеру, человек способен преодолеть эту онтологическую катастрофу «поставы» путем возвращения технике ее исконного – «поэтического» – существа. Но как же это возможно если, как пишет сам М. Хайдеггер, человек сущностно вовлечен в «постав» как в неотвратимую эпоху своей бытийной судьбы? Потому что «постав» отнюдь не всемогущ, но ему можно противостоять только путем специального культуротворческого усилия, усилия восстановления смысловых оснований человеческого бытия. В диалоге с Природой человек современной техникой показывает свое желание полностью заменить ее на искусственную среду максимального комфорта и безопасности. Но расплачиваться за это приходится примитивизацией человеческого мировосприятия, отрывающегося от «живой плоти бытия» – от всего первоначального и вне себя, и в самом себе.

Тем самым главный урок того диалога человека с Природой, который состоялся в форме создания современной техники, – это понимание того, что создание искусственной среды максимального комфорта при всей своей прагматической эффективности для поддержания физического существования оказывается деструктивной для сферы духовной самореализации человека. Это требует специального культивирования потребности человека в близком контакте с природой не только на уровне рекреации и «экстрима», но и соответствующих форм трудовой деятельности и общего стиля жизни.

Рассмотрение феномена современной техники как диалога человека и природы, раскрывающего сущностные проекты человеческого бытия, позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Глубинная онтология современной техники состоит в попытке «самообожествления» человека.
2. «Жизненный мир», создаваемый современной техникой, – это мир комфортной самозащиты человека от внешних природных стихий, которая приводит к атрофии наиболее значимых измерений личностного бытия.
3. Появление современной техники является духовным испытанием человека, требующим от него нового усилия по восстановлению смысловых оснований своего бытия.

4. Техногенный социум, созданный современной техникой, является вызовом для культуры, в которой должны выработаться новые формы жизнедеятельности человека в контакте с живой Природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донченко, Е.А. Формирование культуры внутренней жизни творческой личности / Е.А. Донченко // Научно-технический прогресс и творческий потенциал человека. – Киев, 1988.
2. Рапп, Ф. Философия техники: обзор / Ф. Рапп // Философия техники в ФРГ. – М., 1989.
3. Покровский, А.Н. Техногенный универсум отчуждения / А.Н. Покровский // Вестник нац. тех. ун-та «Харьковский политехнический институт». – 2002. – № 5.
4. Круп, Х. Чего люди сегодня ожидают от техники? / Х. Круп // Философия техники в ФРГ. – М., 1989.
5. Мэмфорд, Л. Техника и природа человека / Л. Мэмфорд // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск, 1999. – Т. 2.
7. Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Одинокий художник : Статьи. Речи. Лекции / И.А. Ильин. – М., 1993.
8. Рафаил (Карелин), архимандр. Церковь и мир на пороге Апокалипсиса / архимандр. Рафаил (Карелин). – Изд. Спасо-Преображенского Мгарского монастыря, 1999.
9. Флоренский, П.А. Соч. : в 4-х т. / Священник Павел Флоренский. – М., 2000. – Т. 3, кн. 1: У водоразделов мысли.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления. / М. Хайдеггер. – М., 1993.

Darenski V.Y. Modern Technique as a Test Human in Dialogue with Nature

The author considers the phenomenon of contemporary technique as a specific phenomenon of dialogue between human and Nature, which necessarily linked with an anthropology aspects of society. Hence, interpretation of contemporary technique as a spiritual trap is grounded here. The specific of contemporary technotronic society, its destructivity for human and paths to overwhelming of this destructivity was demonstrated here.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.02.2013